
Я мягкая глина и тонкий шёлк,
И чистый родник идей.
Выстрел в лесу, что тебя нашёл
Вдали ото всех людей.

Я лёгкое облако, жёлтый луч,
Соломенный нож под дых.
Не реагент для разгона туч,
Сосуд не для глаз чужих.

Меняю состав, нахожу родство,
Встречаю в себе рассвет.
Я плавлюсь и чувствую волшебство,
Сама излучая свет.

Улица жжёт миллионом огней,
Но так ярко – только раз в год.

Я смеюсь, и считаю себя твоей,
И считаю, что ты мой кот.

И спешу одеяло с тебя сорвать,
И в квартире с тобою жить.
Это шутка и я предпочту молчать,
Мне невыгодно говорить.

Я улыбки стопочками кручу
Незаконченных этажей.
Про кота - тоже шутка, но я шучу
Только с лучшими из людей.

Прости, я не хотела, просто сверх
Того, что случилось – выплыло наружу.
И то, что громко – это не о тех.
А что молчит – останется в подкорке.
Я не болею, это отговорки,
Которые в себе не обнаружу.

Мой и чужой. Ярчайшим цветом губ
Улыбка выходная засияет.
Не провожаешь, избегающий разлук.
Мы мастера прощаний навсегда.
И дождь вода, и снег - вода. Вода
По самую макушку накрывает...

Он говорит, я дурочка, мыслью наперекор,
У меня глаза живые, а сценарии –
арт-хаус перебивает чужой хардкор.
Я ему говорю, это просто броня от людей,
Что паства, стадо, лагерь, тюрьма, чума.
Я всё смогу и без них,
сама, сама.

Ну, говорит, давай, а я тут пока посижу,
Налью тебе бренди, и ванну тебе налью.
Я смеюсь и плачу, смеюсь и плачу,
А в голове наяривает
«люблю, люблю»...

НаЖивое

Стихи спадают с меня как платье,
Я обнажаю и смысл, и суть.
Твоё присутствие как объятье,
Но я не в силах в него нырнуть.

Стихи спадают и с ними тает
Моя защита, моя броня.
И только чувства не исчезают,
Живя и после, и до меня.

И этих чувств моих на сто комнат,
На тонну платьев, вагон тряпья.
И если ты всё ещё не понят,
Тогда и кожу снимай с меня.

Умея без скальпеля обнажать,
Почитай закон параллельных чисел.
Ты уйдешь – останется ворох писем,
Жар чресл, мурашек бисер,
Программный сбой, что во мне зависнет
И опыт – обитель, и божий смысл.

Бессмысленно то, что не происходит,
Умышленно то, на что буду пенять.
Я верю в тебя и что это проходит,
Хотя я не всё успеваю понять.

И при столкновении с тем, что, отвергнув,
Я снова верну через тысячу лет,
Моя непутёвая, милая Берта
И в следующей жизни подаст мне обед.

Невстреча, невстреча, а дальше безумство –
Тебя обнимать, как в прошедшем веке.
В том веке я думал, что всё безрассудство,
А в этом, – что я без тебя не могу.

А в следующем будет обратный отсчет –
Я буду писать, а она не прочтёт.

Застигнутый врасплох уходит в море,
В подполье, в узнавание, в себя.
Однажды ты поймаешь наше горе,
Поймешь, что не любить его нельзя.

И я теперь не то, чтобы попалась,
Но, видно, зацепилась за него.
Пропала, залюбилась и осталась.
Как водится, признала своего.

Моё море

А ты такое синее-синее-синее,
Не видела тебя красивее!
Твои закаты манили красками,
Умывались холодом наскоро.

Отвезу к тебе себя выгулять,
Проветрить, осолонить, выхлопать,
Оживить, продезинфицировать изнутри,
Где забился песок внутри,

Превратился в раковый метастаз.
Без тебя, моё море, в который раз
Я сиротствую в городском плену,
Как русалка высохну и умру.

Так грустят корабли по знакомым местам,
Так срывается крик улетающих стай,
Так сменяется ночь на разнеженный свет,
Ты уходишь, и я исчезаю в ответ.

Так осевшая пыль никогда не замрёт,
Так петляют возможности из года в год,
Так я пальцы к стеклу подношу и дышу,
Ты уходишь, а я начинаю маршрут.

Так нахалится чувственный водоворот,
Что в моём подреберье возник и живёт.
Так от жажды трепещут над первым глотком,
Так ты имя моё произносишь тайком...

Каждый вечер, с кружкой в руках,
в декабре с ломотой в ногах,
По Садовой иди, кутай нос в рукава,
он остался в августе, ты права.
А загар смывается к декабрю,
утекает вместе с пеною и дор-блю.
Пузырьки в Шато убавляют ход,
в ванной плавает парусник- пароход.
Отпуск – ягодная глазурь,
глаз бездонных трепетная лазурь.
Если плачешь ты – это всё к дождю,
глазурью покроешься к сентябрю.
Зарастёшь, проветришься, подрастёшь.
Встретишь море, его в женихи возьмешь.

Из ракушек сделаешь сарафан,
а жара и влага – дневной скафандр.

И забудешь, в каких местах отделялась кожа,
обгоревшая, раненая.
Живее, чем ты, похоже...

И вдруг в тебе включается весна –
Навязчивое чистое пространство.
И кружится от дыма голова,
И детство снова кажется лекарством.

И птицы облепили провода,
Нахальные, игривые святые.
И льётся из динамиков вода
И песни по наивному простые.

И зелень, и заливы, и цветы,
И бензобак, залитый пепси-колой.
Я в жизни не припомню красоты
Красивее, когда ты смел и молод.

Там все живые, там мне десять лет,
Там я коплю на платье из поплина.
Там я встречаю с мальчиком рассвет
И он мне тоже кажется красивым.

Там я плету из бисера браслет
И ем салат из помидоров с хлебом.

Там для меня пока что смерти нет.
Я радуюсь. Я вглядываюсь в небо.